

БЕЛАРУСЬ И КИТАЙ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР

УДК 82.091

И. С. Криштоп

*Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Барановичи, Республика Беларусь, inessa_top@mail.ru*

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Э. ТАН «КЛУБ РАДОСТИ И УДАЧИ»)

В статье рассматриваются особенности включения культурно-маркированных явлений в художественный мир произведения Э. Тан «Клуб радости и удачи». Установлено, что язык в романе является не только одним из инструментов выражения культурных различий или проникновения в «иную» культуру, но и формой существования человека-иммигранта. Для утверждения ценности исторической памяти как основы межпоколенческого диалога автор обращается к элементам национальной мифологии, религии, социально-бытовым нормам поведения.

Ключевые слова: лингвокультурный текст; художественное произведение; Эми Тан.

I. S. KryshTOP

*Institution of Education “Baranavichy State University”, Baranavichy,
the Republic of Belarus, inessa_top@mail.ru*

LINGUOCULTURAL MARKERS IN FICTION (BASED ON A. TAN’S NOVEL “THE JOY LUCK CLUB”)

The article examines the peculiarities of functioning of culturally marked elements in the artistic world of A. Tan’s novel “The Joy Luck Club”. It is established that the language in the book is not only used as the tool for expressing cultural ideas or penetrating into a “different” culture, but also it serves as the form of existence of an immigrant person. To affirm the value of historical memory as the basis for intergenerational dialogue the author turns to the elements of national mythology, religion, social and everyday norms of behavior.

Key words: linguacultural text; fiction; Amy Tan.

© Криштоп И. С., 2025

Введение. В системе лингвокультурологического знания особое место принадлежит лингвокультурным текстам, которые в концентрированном виде содержат исторические факты, традиции, нравы, обычаи, приметы времени, быта и места. Как правило, они способствуют более полному воплощению идеи писателя. Соответственно, лингвокультурный текст состоит из культурно-маркированных единиц, которые можно рассмотреть с позиции истории, авторства, источника. Совокупность обозначенных фактов составляет культурно-исторический фон художественного текста, определяя его связь с определенными жизненными ситуациями и культурой народа.

Цель данной работы — на основе анализа культурно-маркированных явлений определить специфику репрезентации культурно-исторического фона в произведении Э. Тан «Клуб радости и удачи» (*The Joy Luck Club*, 1989).

Эми Тан (англ. Amy Tan) является писательницей-иммигранткой второго поколения. Она удостоена литературной премии имени Фрэнсиса Скотта Фицджеральда (2019), премии Карла Сэндберга (2021) [1].

Произведение «Клуб радости и удачи» — дебютный роман Э. Тан, который более сорока недель находился в списке бестселлеров издания *New York Times*. Позднее произведение стало финалистом Национальной премии книжных критиков.

Основная часть. Структурно книга «Клуб радости и удачи» разделена на четыре части по четыре главы в каждой, т. е. всего — шестнадцать историй. Каждая часть начинается с короткой притчи, которая акцентирует общую тему, связывающую последующие четыре истории. В книге семь главных героинь, судьбы которых так или иначе концентрируются вокруг вопросов взаимоотношений между матерями, бежавших из Китая в 1940-х годах, и их дочерьми, рожденными и выросшими в США.

Книга начинается с того, что Суюань Джун Ву просят присоединиться к еженедельной игре в маджонг (*mah jong*): она занимает место своей умершей матери. К слову, всем известный «пасьянс Маджонг» является одной из вариаций китайской сложной многочасовой игры, рассчитанной на четырех человек. Цель игры — набрать как можно большее количество очков, собрав наиболее ценную комбинацию из заданного количества костей.

Еженедельное собрание иммигранток и их отпрысков получило название «Клуб радости и удачи». Во время игры и дегустации китайский деликатесов женщины делятся историями о прошлом и сетуют на трудности, которые мешают им наладить отношения между представителями разных поколений в семье. Среди наиболее сложных проблем упоминается бездумное следование за Американской мечтой, отсутствие общения, разрыв между поколениями, диалектика опытности и наивности. Однако в основе всех разногласий — принадлежность матерей и дочерей к разным культурам. Очевидно, что Э. Тан в книге «Клуб радости и удачи» акцентирует тему поиска идентичности. Для этого повествование «насыщается» культурно-маркированными единицами. Они позволяют познавать не только сами явления, на которые направлено внимание автора, но, «следуя за ним», открывать «самого автора, а за автором — его эпоху» [2, с. 297].

В первую очередь писательница сосредоточивает внимание на социальном статусе героинь. Хотя неравные браки и союзы по договоренности между родителями были распространены почти во всем мире, в Китае эта практика сохранялась вплоть до начала 1960—1970-х годов: “... came from a low-class family, but she was pretty and pleasant and had married well, to an old man”; “But even if I had known I was getting such a bad husband, I had no choice, now or later”; “We have made a contract. It cannot be broken” [3]. Очевидно, что героини-представительницы старшего поколения с момента свадьбы фактически превращались в служанок: они были вынуждены беспрекословно слушаться мужа и членов его семьи: “Obey your family. Do not disgrace us. Act happy when you arrive. Really, you’re very lucky”; “What was more satisfying than having Huang Taitai (mother-in-law) nod and pat my head when I had finished combing her hair one hundred strokes? <...> I came to think of Tian-yu as a god, someone whose opinions were worth much more than my own life” [3]. Для противопоставления «китайской» иерархичности «западному» равноправию Э. Тан использует лексические единицы, точно определяющие позицию члена семьи и его функции (taitai ‘супруга, госпожа’; Туан — уменьшительно-ласкательный суффикс, синоним слова «девушка», yi tai ‘первая жена’, sz tai ‘четвертая жена’, syaujue ‘мисс’, aiyi ‘тетя’ и т. д.).

Более того, Э. Тэн указывает на роль астрологии, а не собственного волевого решения при выборе супруга. Согласно китайской традиции, для успешного брака необходимо выбирать супругов по году рождения: “A Horse, born in 1918, destined to be obstinate and frank to the point of tactlessness. She and I make a bad combination, because I’m a Rabbit, born in 1951, supposedly sensitive, with tendencies toward being thin-skinned and skittery at the first sign of criticism” [3].

В романе одним из важнейших культурных пластов является китайская кухня и связанные с этим нормы поведения за столом, которые в восточной культуре отличаются от установленных в западном мире правил. Например, в Китае отрывка — это комплимент хозяйке за вкусную еду, а не образец неподобающего поведения. Также приветствуется хвалить хозяйку и просить добавки, а отказ принимается за неуважение: “He thought he was being polite by refusing seconds, when he should have followed my father’s example, who made a big show of taking small portions of seconds, thirds, and even fourths, always saying he could not resist another bite of something or other, and then groaning that he was so full he thought he would burst” [3].

В романе упоминаются многие традиционные китайские блюда: красный бобовый суп (Хундоутан), суп из черного кунжута, димсам (дяньснь) китайский чай сорта пуэр, вонтоны, чоумейн, часвей, суймэй, доунау, джон дзы, лунные пироги, тофу, вареный арахис, жареные каштаны. Очевидно, что щедро «приправляя» роман гастрономическими культурно-маркированными единицами, Э. Тан подчеркивает важность еды и связанных с ней ритуалов для восточной цивилизации, при этом автор не просто упоминает названия блюд, а достаточно подробно описывает процесс их приготовления, подачи и употребления.

Для создания художественного пространства Э. Тан использует названия китайских городов, провинций, рек и иных географических объектов: Гуйлинь, Чунцин, Шанхай, Нанкин, Цзянсу, Ханчжоу, Чжэцзян, Нинбо, Гонконг, Пинъяо, Фен, Тайюань, Фэньхэ, Пекин, Уси, Куньмин, Тяньцзинь и т. д. В художественном мире романа топонимы выступают в двух аспектах: с одной стороны, они «определяют текст как местность, край, область,

размечают его географические границы, а с другой — являются ядром текста, основная функция которого — наращивать, притягивать всевозможные смыслы и делать его объемным, ясным и удобным для понимания [4, с. 67].

Особо отметим, что китайская лексика появляется тогда, когда персонажи переживают культурный шок, выявляют несоответствие между моральными ценностями американского и китайского обществ. Так, в речи персонажей романа часто употребляются следующие китайские лексические единицы: *chabuduo* ‘похожий’, *butong* ‘разный’, *hongmu* ‘красное дерево’, *pung/chu* ‘междометия’, *shou* ‘зрелость’, ‘уважение’, *nyuer* ‘дочь’, *tyan* ‘небо’, *pichi* ‘дурной нрав’, *chiszle* ‘в ярости’, *yu* ‘остаток’, *chang* ‘ожерелье из красного нефрита’, *ni* ‘предатель предков’, *cheongsam* ‘облегающее платье’, *dajya* ‘все’, *mei gwansyi* ‘не важно, не имеет значения’, *concubine* ‘женщина, живущая с мужчиной, но имеющая более низкий статус чем жена (наложница)’, *Kuomintang* ‘партия Китая’, *dangsyng tamende shenti* ‘позаботьтесь о них’, *nikan* ‘посмотри’, *nengkan* ‘способность делать то, к чему вы стремитесь’, *shwo buchulai* ‘потерять дар речи’, *yiding* ‘быть вынужденным сделать что-то’, ‘ответственность’, *waigoren* ‘иностранец’, *yuann* ‘юань’, *shemma yisz* ‘что это значит’, *syin yifu* ‘новый костюм’, *yidafadwo* ‘стать мятым’, *baba* ‘папа’, *li* ‘измерение длины’, *nale* ‘здесь, возьми’, *hulihudu* ‘сбитый с толку’, *hemongmong* ‘густой туман’, *koutou* ‘кланяться с глубоким уважением’, *lihai* ‘упрямый’, *kaigwa* ‘разрезать арбуз (потерять невинность)’, *kechi* ‘вежливость’, *chrfan* ‘поезд’, *gwan dwng shweijyau* ‘крепкий спокойный сон’, *mangjile* ‘я знала’, *jangdale* ‘так вырос’, *chunwang chihan* ‘у беззубого и зубы мерзнут’ (поговорка), *sz* ‘умри’ и т. д.

Нельзя не обратить внимание на описание китайской свадьбы. Невеста обязательно надевала красное платье, платок, почти полностью закрывавший лицо и украшения: “I had on a beautiful red dress; I draped the large embroidered red scarf over my face; she had arranged to rent a red palanquin to carry me from her neighbor’s house to the wedding ceremony” [3]. Одна из свадебных традиций — зажжение двойной свечи с вырезанными на них именами жениха и невесты. Целую ночь за свечами смотрели служанки, а на утро показывали огарок. Если догорел до конца, то брак никогда не

распадется: “This candle burned continuously at both ends without going out. This is a marriage that can never be broken” [4].

Более того, для китайцев красный — это цвет гостеприимства и праздника. Поэтому важным элементом всех праздников являются красные фонарики, которые символизируют богатство, процветание и успех.

Ведущей религией в КНР является буддизм, но это не исключает веру жителей в мифы и легенды. В романе упоминается фестиваль Шанси, который проводится на третий день третьего месяца и является днем весеннего купания — ритуала очищения тела и разума. Лунная леди, появляющаяся в нескольких историях, — одна из китайских богинь, которая предупреждает молодых девушек об опасности следовать эгоистичным желаниям. Праздник середины осени — Чжунцюцзе — связан с изображением зайца, так как считается, что сочетание темных и светлых пятен на поверхности Луны образует рисунок, похожий на зайца: “...gave me a mooncake in the shape of a rabbit” [3].

В романе также упоминаются такие божественные существа, как Чу Чжун и Пан Лонг. Первый научил людей пользоваться огнем. Он также считается духом Южного моря. Второй известен как извивающийся дракон, который живет в море и управляет временем. Чжоу — мифический персонаж — служит стражем сна. Пять великих богов пяти ядов — Лю Далан на юге (красное лицо, наступает на жабу), Чжу Эрланг на востоке (зеленое лицо, наступает на ядовитую змею), Хэ Саньлан на западе (белое лицо, наступает на геккона), Сюэ Силанг на севере (черное лицо, наступает на паука), центральный Ву Горо (желтое лицо, наступает на многоножку) — являются богами-демонами, контролирующими эпидемии чумы: “Five evil creatures: a swimming snake, a jumping scorpion, a flying centipede, a dropping-down spider, and a springing lizard” [3]. Легенда гласит, что первоначально это были семилетние дети Лю, Чжу, Хэ, Сюэ и Ву, которые на фестивале Драконов увидели, как пять монстров — жаба, змея, геккон, паук и многоножка — отравили колодец. Дети побоялись рассказать взрослым правду, поэтому бросились в колодец, чтобы продемонстрировать действие яда и этим предупредить остальных. Лю, Чжу, Хэ, Сюэ и Ву погибли — за мужество их назвали богами Пяти Ядов.

Заключение. Несмотря на то, что произведение Э. Тан «Клуб радости и удачи» написано на английском языке, в нем широко представлены реалии, символы, артефакты и обычаи китайской культуры, источниками которых преимущественно выступили мифология, религия и фольклор. Исследуя семейные взаимоотношения, автор акцентирует идеи конфуцианства и даосизма, однако не противопоставляет их западной культуре. Более того, культурно-маркированные явления в художественном тексте способствуют формированию ретроспективного взгляда на вопросы национальной идентичности.

Список цитируемых источников

1. Amy Tan : [website]. — 2025. — URL: <https://amytan.net/bio-1> (date of access: 03.03.2025).
2. Лихачев, Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / Д. С. Лихачев ; сост. и науч. редактор А. С. Запесоцкий. — Изд. 4-е. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2022. — 544 с.
3. Tan, A. The Joy Luck Club / A. Tan // Scribd. — URL: <https://www.scribd.com/document/441493066/The-Joy-Luck-Club> (date of access: 24.12.2024).
4. Ухова, Л. В. Городской текст российской провинции в аспекте диалога культуры / Л. В. Ухова // Взаимодействие языков и культур : от диалога к полилогу : монография / отв. ред. Л. Г. Викулова, Е. Г. Тарева. — М. : Издательский дом ВКН, 2021. — С. 58—72.

УДК 338.482.22

Р. А. Лизакова

*Учреждение образование «Барановичский государственный университет»,
Барановичи, Республика Беларусь, kaf_mark@tut.by*

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ТУРИЗМА В БЕЛАРУСИ И КИТАЕ

В статье рассматриваются вопросы значимости развития промышленного туризма как одного из факторов формирования маркетинга территории и на этой основе улучшения качества жизни как в отдельном регионе, так и в целом

© Лизакова Р. А., 2025